

стоять – бояться!, закатать в асфальт, спасибо не булькает и др.

Те выводы, к которым мы пришли в ходе нашего исследования, говорят о том, что во фразеологическом фонде активно появляются новые единицы.

Мы планируем расширение списка устойчивых выражений нашего времени по уже апробированному алгоритму отбора, составление полноценных словарных статей и, возможно, оформление словаря новых фразеологизмов начала 21 века.

Литература

1. Малински Т. Возникновение новых фразеологических единиц / Т. Малински // Русистика. – Берлин, 1992. – № 2. – С. 67-76.

References

1. Malinsky T. Vosniknovenie novykh frazeologicheskikh edinit / T. Malinsky // Rousistika. – Berlin, 1992. – № 2. – С. 67-76.

УДК 811.111: 811.161.1

doi: 10.18101/978–5–9793–0814–2–85–87

Метонимический характер репрезентации каузативной ситуации (на материале английского и русского языков)

© **Баяртуева Елена Петровна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ

E-mail: Baiaartueva@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые особенности и характеристики формирования каузативного значения, которые, как показывают данные русского и английского языков, носят метонимический характер. Каузативная ситуация не имеет единого неделимого обозначения ни в русском, ни в английском языке, что доказывает базовый характер метонимии как основного механизма формирования значения и номинирования в языке. Посредством моделирования каузативной ситуации в соответствии с данными английского и русского языков в статье наглядно демонстрируется, каким образом осуществляется выделение отдельных компонентов каузативной ситуации и, соответственно, номинация всей ситуации по одному из ее элементов. Соответственно, в рамках каузативной ситуации выделяются различные элементы, как ее структурные компоненты, так и отдельные характеристики ее участников.

Ключевые слова: каузативная ситуация, метонимия, когнитивные области, модель, номинирование.

Metonymic character of causative situation representation (a case study in English and Russian)

Elena P. Bayartueva

PhD in Philology, A/Professor, Ulan-Ude, Buryat State University, Department of English Philology

The article discusses some features and characteristics of causative meaning formation and representation in Russian and English, which are basically metonymic in their character. The causative situation has a unique indivisible designation neither in Russian nor in English, which proves the basic nature of metonymy as a major mechanism of meaning formation and nomination in the language. Through modeling of the causative situation structure in the English and Russian languages, the article demonstrates how the selection of individual components of causative situation and, accordingly, how the nomination of the whole situation by one of its elements are performed. Thus, in the causative situation different elements as its structural components as well as individual characteristics of the participants are allocated.

Keywords: causative situation, metonymy, cognitive domain, model, nomination.

Базовый характер метонимии в формировании, понимании и овладении языком отмечается большим количеством лингвистов [3; 7; 11]. Так, К.-Ю. Пантер и Л.Л. Торнберг [8], рассматривая метонимию в качестве основного когнитивного механизма, а не просто стилистического приема, отмечают важную роль метонимии как в организации значения (семантике), так и в формировании и интерпретации высказывания (прагматике) и построении грамматических структур.

Наиболее распространенное определение метонимии с точки зрения когнитивного подхода было предложено Радденом и Кёвечесом [10, с. 21]. В основе данного определения лежат идеи Р. Лангакера о том, что «метонимия – это когнитивный процесс, когда одно концептуальное образование, оболочка/ средство/ источник обеспечивает ментальный доступ к другому концептуальному образованию, объекту (трансформации) в рамках одной и той же когнитивной модели» [цит. по: 8, с. 239]

(здесь и далее перевод наш – Е. Баяртуева).

К.-Ю. Пантер и Л.Л. Торнберг дополняют данную характеристику метонимии следующими характеристиками:

1) отношения между источником содержания значения и объектом/мишенью трансформации являются контекстуально обусловленными (концептуально необязательными), т. е. в принципе могут исчезать/ терять силу в определенных условиях;

2) объект трансформации актуализируется, тогда как ее источник отходит на задний план/ становится фоновым;

3) сила метонимической связи между источником и объектом трансформации может варьироваться в зависимости от контекста, в том числе от концептуально обусловленных условий [цит. по: 8, с. 241].

К основной функции метонимии относят *прагматическую функцию логического умозаключения*, ср.: «Метонимические связи могут рассматриваться как естественные схемы логического умозаключения/вывода, находящиеся в распоряжении участников коммуникативной ситуации» [8, с. 249]. При этом метонимия рассматривается как средство *импликации* логического вывода. Данную функцию метонимии также выделяют другие исследователи [4; 6; 5; 10].

В свою очередь, не отрицая наличие у метонимии функции логического умозаключения, Папафрагоу, Рувет и Сонг [9; 12] считают, что метонимия является средством *экспликации*, служащим возможности реконструкции эксплицитного содержания высказывания.

На наш взгляд, наиболее ярко метонимический характер номинирования в языке демонстрирует каузативная, или причинно-следственная, ситуация. В целом мы представляем структуру данной ситуации в виде следующей модели (подробнее см.: [1]):

Модель 1: $(A+Ac) \Leftrightarrow (PS1 \rightarrow PS2)$, где $(A+Ac)$ – это причина (A – действующий агент, Ac – действие агента); $(PS1 \rightarrow PS2)$ – результат ($P1$ – состояние, в котором находится предмет до каузирующего воздействия агента, $P2$ – состояние, в котором находится предмет после каузирующего воздействия агента,); $\Leftrightarrow$ – взаимодействие причины и следствия/результата.

Однако здесь следует отметить, что полностью данная модель присутствует в человеческом сознании, по-видимому, только абстрактно; актуализируясь в языке, она оставляет эксплицитной только одну часть всей ситуации.

Так, в том случае, когда каузативная ситуация обозначается как *изменение/change*, фокусировка осуществляется на Объекте, а, точнее, на механизме перехода состояния Предмета из одного в другое, и вся ситуация может быть представлена следующим образом:

Модель 2: $(A+Ac) \Leftrightarrow (PS1 \rightarrow PS2)$.

Полужирным курсивом выделен Объект каузации (воздействия), на котором фокусируется внимание номинирующего/наблюдателя/говорящего и который представляет собой собственно изменение, которое в рамках всей каузативной ситуации также называется *результатом/result* или *(no)следствием/consequence*.

Обозначение той же ситуации посредством таких единиц, как *причина/cause*, *воздействие/influence*, *манипуляция/manipulation* и т. д., выдвигает на первый план Субъект ситуации, и данное выделение можно в нашей модели продемонстрировать следующим образом (жирным шрифтом показана выделяемая часть ситуации):

$(A+Ac) \Leftrightarrow (PS1 \rightarrow PS2)$.

Для предложения *Она сшила себе новое платье/ She has sewn herself a new dress* [пример из: 2] каузативная ситуативная модель может быть представлена следующим образом:

Модель 3: **$(A+Ac) \Leftrightarrow (PS1 \rightarrow PS2)$** .

В рассматриваемом примере эксплицируются такие компоненты каузативной ситуации, как Агент (*Она/She*), действия Агента (*сшила/has sewn*) и конечное состояние Пациенса, которое он получил в результате действий Агента. Кроме вышперечисленных компонентов, в структуру каузативно-следственной ситуации, репрезентируемой в рассматриваемом нами предложении, вводится Агент пользы (в чью пользу или в чьих интересах было осуществлено действие – *себе/herself*). Соответственно, импликации подвергаются каузативно-следственная связь между действиями Агента и появлением Пациенса и то первоначальное состояние, в котором Пациентс пребывал до каузирующих действий Агента (ткань, выкройки, нитки и т.д.).

В свою очередь, сравнив выделение элементов каузативно-следственной ситуации при номинировании ее Объектного компонента терминами *изменение/change* *результат/result* или *(no)следствие/sequence*, мы можем наглядно представить различия между этими двумя номинициями посредством моделей 2 и 3:

ИЗМЕНЕНИЕ: Модель 2: (A+Ac) $\Leftrightarrow$ (PS1 $\rightarrow$ PS2);

РЕЗУЛЬТАТ/(ПО)СЛЕДСТВИЕ: Модель 3: (A+Ac) $\Leftrightarrow$ (PS1 $\rightarrow$ PS2).

Не претендуя на всеобъемлющее изучение проблемы представления каузативной ситуации, в данной статье мы попытались показать, каким образом обозначение некоторых структурных элементов описываемой ситуации демонстрирует аналитизм человеческого мышления, его фокусировку на различных аспектах окружающей его действительности и процессов, происходящих в ней; и данная способность позволяет ему номинировать целую ситуацию посредством называния одного из ее компонентов.

Литература

1. Баяртуева Е.П. Изменение: результат vs (по)следствие (понятийный аспект)// Вестник ИГЛУ. – № 1(26). – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2014. – С. 221–225.
2. Babby L.H. Hybrid causative constructions: Benefactive causative and adversity passive// Causatives and transitivity/ B. Comrie, M. Polinsky. – Philadelphia, Amsterdam: J. Benjamins, 1993. – Pp. 345 – 376.
3. Gibbs R.W. The Poetics of Mind. Figurative Thought, Language and Understanding. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
4. Grice H.P. Meaning // The Philosophical Review, 1975. – V. 66. – № 3. – с. 388.
5. Lakoff G. Metaphors we Live by. – Chicago: The University of Chicago Press, 2003. – 276 с.
6. Levinson S.C. Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 504 p.
7. Nerlich B., Clarke D.D., Todd Z. “Mummy, I like being a sandwich”: Metonymy in language acquisition// Metonymy in language and thought/ ed. K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 362 – 383.
8. Panther K-U., Thornburg L.L. Metonymy// The Oxford handbook of cognitive linguistics/ ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford; New-York: Oxford University Press, 2007. – 236–263.
9. Papafragou A. Figurative language and the semantics-pragmatics distinction// Language and literature, 1996. – P. 179 –193.
10. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy// Metonymy in language and thought/ ed. K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 17 – 59.
11. Seto Ken-ichi. Metonymic polysemy and its place in meaning extension// Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language/ ed. B. Nerlich et al. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 195 – 214.
12. Song N.S. Metaphor and Metonymy// Relevance theory: Applications and implications/ ed. R. Carston, S. Uchida. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 87–104.

References

1. Baiartueva E.P. Izmenenie: rezultat vs (po)sledstvie (ponyatiyniy aspekt)// Vestnik IGLU. – № 1(26). – Irkutsk: Izd-vo IGLU, 2014. – С. 221 – 225.
2. Babby L.H. Hybrid causative constructions: Benefactive causative and adversity passive// Causatives and transitivity/ B. Comrie, M. Polinsky. – Philadelphia, Amsterdam: J. Benjamins, 1993. – Pp. 345 – 376.
3. Gibbs R.W. The Poetics of Mind. Figurative Thought, Language and Understanding. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
4. Grice H.P. Meaning// The Philosophical Review, 1975. – V. 66. – № 3. – с. 388.
5. Lakoff G. Metaphors we Live by. – Chicago: The University of Chicago Press, 2003. – 276 с.
6. Levinson S.C. Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 504 p.
7. Nerlich B., Clarke D.D., Todd Z. “Mummy, I like being a sandwich”: Metonymy in language acquisition// Metonymy in language and thought/ ed. K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 362 – 383.
8. Panther K-U., Thornburg L.L. Metonymy// The Oxford handbook of cognitive linguistics/ ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford; New-York: Oxford University Press, 2007. – 236 – 263.
9. Papafragou A. Figurative language and the semantics-pragmatics distinction// Language and literature, 1996. – P. 179 – 193.
10. Radden G., Kövecses Z. Towards a theory of metonymy// Metonymy in language and thought/ ed. K.-U. Panther, G. Radden. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – P. 17 – 59.
11. Seto Ken-ichi. Metonymic polysemy and its place in meaning extension// Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language/ ed. B. Nerlich et al. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 195 – 214.
12. Song N.S. Metaphor and Metonymy// Relevance theory: Applications and implications/ ed. R. Carston, S. Uchida. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 87 – 104.